

МАКСИМ МАЛЬГИН

БЕЛАЯ ДОРОГА

Оригинальная идея
и персонажи —
Наталья Мальгина

Максим Мальгин

Белая дорога

«Автор»

2026

Мальгин М.

Белая дорога / М. Мальгин — «Автор», 2026

Военный курьер прибывает в Белогорскую обитель с запечатанным футляром – и утверждает, что уже доставлял его три дня назад. На той же лошади, тем же путём. Только теперь к воротам ведут две одинаковые цепочки следов. В Белогорской долине дороги меняют длину, возвращают путников к прежним следам и возникают там, где ещё вчера лежал нетронутый снег. Варвара Левицкая семь лет наносила эти перемены на карты, не пытаясь объяснить невозможное. Алексей Ланской, инженер-картограф из окружного управления, привык доверять только измерениям. Но и его приборы здесь подтверждают то, чему разум отказывается верить. Пока Варвара и Алексей сопоставляют старые карты, колокольные удары и исчезающие пути, в долине обнаруживаются следы забытого казённого проекта «Меридиан». Когда-то его создатели решили, что дорогами можно управлять. Теперь кто-то собирается продолжить их работу. Но дорога не подчиняется человеку. Она откликается на его выбор.

© Мальгин М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Белая дорога	5
ПРОЛОГ. Курьер, который приехал дважды	6
ЧАСТЬ I. ДОРОГА, КОТОРОЙ НЕТ	10
Глава 1. Следы впереди	11
Глава 2. Седьмая берёза	15
Глава 3. Четвёртая точка	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Белая дорога

Белая дорога

Карта показывает дорогу. Но не говорит, куда идти.
<i>Из записей Белогорской обители</i>

Оригинальная идея и персонажи – Наталья Мальгина

ПРОЛОГ. Курьер, который приехал дважды

Ветер дул слева. Пётр Громов ехал, пригнувшись и спрятав лицо в капюшон.

Снег шёл волнами: налетал порыв – вокруг оставались только спина лошади да ближайший дорожный столб. Потом ветер отпускал, открывая долину: тёмный еловый лес по склонам, накатанную дорогу и далеко впереди – жёлтый огонёк на монастырской колокольне. По этому огоньку Пётр и держал направление, когда столбы пропадали за снегом.

Металлический футляр лежал в сумке под тулупом и всё равно холодил бок. Плоский ящик длиной в локоть, с двумя свинцовыми пломбами, вручил Петру человек в гражданской одежде – назвался служащим инженерного ведомства, но имени не сказал. Зато бумага у него была настоящая, с печатью округа. Приказ простой: передать футляр лично настоятельнице Белогорской обители. Никому другому. Привезти расписку.

За двенадцать лет службы Пётр выполнил сотни таких поручений. Обычное дело. Если бы не одно.

Он был уверен, что уже возил этот футляр. Три дня назад.

Память сохранила лишь обрывки чужого рассказа: ворота с фонарём, сухое лицо настоятельницы, её взгляд поверх очков. Горячую кружку в ладонях – что-то сладкое, с мёдом. Свою подпись в книге прибывших, кривую, потому что пальцы не отошли от мороза. И обратную дорогу: серый рассвет, скрип встречных саней.

Но приказ был выписан сегодняшним числом. Футляр ему вручили сегодня в полдень, из рук в руки.

Устал, решил Пётр. За зиму десятки поездок, вот две и склеились в голове. Бывает.

У поворота стояла берёза, расколота надвое: одна половина ствола обломилась и висела на полосе коры. Ветер качал её, и дерево глухо стучало само о себя. Пётр заметил берёзу краем глаза и забыл.

Через полчаса берёза появилась снова – тот же расколотый ствол, та же висящая половина, тот же стук.

Он остановил лошадь и прислушался.

Мало ли в долине берёз, сказал он себе, и обломанных хватает: осенняя буря поломала много деревьев. Он поехал дальше. Дорога была настоящая, твёрдая, наезженная, и столбы стояли ровно, один за другим.

У Петра была старая привычка считать дорожные столбы – бессмысленная, зато успокаивавшая. Сегодня счёт не сходился. Столб с расщеплённой верхушкой, который он точно уже проехал, снова стоял впереди, и снова слева.

А потом он увидел след.

Порыв прошёл, и дорога впереди открылась – гладкая, заметённая свежим снегом. По нетронутой белизне тянулась совсем свежая цепочка лошадиных следов.

Пётр спешился и присел: отпечатки были чёткие, с острыми краями. На следе левого заднего копыта – косая насечка поперёк подковы. Эту подкову кузнец поставил Галке два дня назад; Пётр сам стоял рядом.

Он оглянулся: его собственный след позади уже заметало, а этот, впереди, был свежее и вёл туда же, куда ехал он, – к монастырскому повороту.

Ветер ровно гудел в ельнике. Галка потянулась мордой к его плечу идохнула тёплым.

– Ну нет, – сказал Пётр вслух. Собственный голос прозвучал обычно, и это помогло.

По следу он не поехал. Он вообще свернул с дороги.

Огни обители светились левее, за низиной между холмами, – по прямой вёрст шесть. Пётр направил лошадь в нетронутый снег. Снег доходил Галке до колен, местами до брюха;

так зимой не ездят, и он это знал. Но у него был приказ: футляр, настоятельница, расписка. Довезти и сдать. Остальное пусть объясняют те, кто сидит в тепле.

В низине огонёк скрылся за холмом. Галка шла тяжело, проваливаясь, и Пётр слез и повёл её за собой, сам по пояс в снегу. Наверху он поднял голову, чтобы поймать огонёк и поправить направление.

Перед ним стояла стена – шагов семьдесят, не больше: белая монастырская кладка, фонарь над воротами, тёмная колокольня и жёлтое окно наверху – то самое, по которому он правил весь вечер. Только теперь оно висело высоко над головой.

Середины пути не было. Он помнил спуск в низину, помнил подъём – и сразу стену.

Пётр достал часы и откинул крышку. Стрелки стояли. Он встряхнул часы, поднёс к уху. Тихо.

– Масло замёрзло, – сказал он Галке. Галка не возражала.

На стук в калитке открылось окошко, мелькнул свет, выглянуло немолодое женское лицо.

– Военный курьер, – сказал Пётр. – Срочный пакет для настоятельница.

Его не стали спрашивать: загремел засов, и пожилая сестра, подняв фонарь, оглядела сначала его, потом лошадь.

– Совсем загнали, – сказала она с укором. – Аксинья, заведи её под навес и накрой попоной. Потом беги за матушкой. А вы идите за мной. И отряхнитесь у входа, вы весь в снегу.

В комнате у ворот было жарко натоплено. Пётр стянул рукавицы и не сразу смог разогнуть пальцы. Ему дали кружку кипятка с малиновым листом; он держал её обеими ладонями, пока боль не вернула пальцам чувствительность.

Он глотнул и удивился: несладко, а он ждал мёда. Откуда взялось это ожидание – разбираться не стал.

Настоятельница пришла быстро, в тёплой шали поверх монашеской одежды: невысокая, сухая, лет шестидесяти, очки в железной оправе сдвинуты на лоб. Глаза у неё были ясны – она не спала.

– Матушка Евпраксия, – сказала пожилая сестра от двери.

Пётр встал и достал футляр.

– Приказано передать вам. Лично. И взять расписку.

Она приняла футляр, повертела его, осмотрела пломбы и подняла глаза:

– Что ещё приказано?

– Ничего. – Он помолчал и добавил тем тоном, каким докладывают начальству: – Матушка, я у вас уже был. Три дня назад. С этим самым футляром.

Сестра у двери перестала перебирать чётки. Лицо Евпраксии не изменилось. Она показала Петру на лавку, села напротив и положила футляр перед собой.

– Сначала допейте, – сказала она. – Замёрзший человек путает. Мне нужно, чтобы вы не путали.

Он допил, обжигаясь; она ждала спокойно, сложив руки.

– Теперь рассказывайте.

– Помню ворота. Помню вас. Пил здесь что-то сладкое, с мёдом. Расписался в книге. Утром уехал.

– Когда именно вы приезжали?

– Три дня назад. Ночью. Уехал на рассвете.

– Кто открывал вам ворота?

Пётр прикрыл глаза, вспоминая.

– Сестра. Высокая, выше меня. Фонарь держала в левой руке. На правой была рукавица с прожжённым пятном и заплатой.

– Какая была погода?

– Тихая. Звёзды, сильный мороз. У меня усы смёрзлились.

– Что было записано в книге прибывших прямо над вашей строкой?

– Обоз с мукой, четыре повозки. Старший расписаться не умел, поставил крест, а сестра дописала за него.

Евпраксия кивала ровно, не соглашаясь и не споря. Последний вопрос она задала тем же спокойным голосом:

– Когда вы уезжали, звонили к утренней службе. С какой стороны шёл звон?

– От реки, – ответил Пётр сразу и только потом удивился вопросу. – С севера. Я ещё подумал: странно, колоколья-то осталась у меня за спиной.

Стало тихо, только гудела печь.

– Высокая сестра у нас одна – Феодосия, – сказала Евпраксия. – Она с осени живёт в небольшом монастырском скиту, в двух днях пути отсюда. А рукавица и правда её. Прожжённая, с заплатой. Висит у входа с осени.

Она повернула голову:

– Матрона, принеси книгу.

Книга прибывших оказалась толстой, в потёртой коже. Евпраксия раскрыла её под лампой и повела пальцем по строкам. Записи шли одна за другой: приезд врача к заболевшей сестре; обоз с мукой, четыре повозки, крест старшего и ровная запись рядом; следом – вчерашняя запись о трёх паломниках.

Между обозом и паломниками оставалось пустое место – ровно на одну запись.

Пётр наклонился. Бумага там была тоньше и глаже остальной: её скоблили ножом. У самого края уцелела вдавленная чётка – нижний хвостик какой-то буквы.

Евпраксия провела по этому месту пальцем и подняла страницу к лампе.

– Матрона. Кто у нас скоблит записи в книгах?

– Никто, матушка, – ответила пожилая сестра. По её голосу было ясно: если бы было кого, она бы уже выяснила.

Евпраксия вернулась к футляру: ещё раз показала пломбы Петру и Матроне – целые, – сняла проволоку и открыла крышку. Внутри лежал свёрток бумаг в плотной вощёной обёртке.

Сверху – чертёж: тяжёлая рама, винтовой столб, груз, натянутые тросы. В углу стоял штамп с одним словом – «МЕРИДИАН» – и номер листа: седьмой.

Под чертежом лежала карта долины – Пётр узнал её сразу, по изгибу реки и кольцу монастырской стены. Белогорская обитель была в самой середине. Вокруг неё стояли четыре крестика с номерами, и от каждого тонкая линия тянулась к колокольне. Рядом мелкая надпись: «настройка по большому колоколу».

Ниже лежали листы с расчётами: одни – аккуратные, на плотной бумаге, другие – торопливо исписанные карандашом, со строками, съезжавшими вниз. Углы карандашных листов были протёрты до дыр – их явно долго носили сложенными в кармане.

– Меридиан, – повторила Евпраксия. – Вам это слово что-нибудь говорит?

– Нет. Впервые слышу.

Она разложила листы веером. У Петра пересохло во рту.

– Этот я видел, – сказал он и тронул карту пальцем, не решаясь прижать. – Тогда. Вы точно так же раскладывали их на этом столе, лампа стояла слева. Только крестиков было три. Четвёртого, у реки, не было.

Евпраксия посмотрела на него поверх очков – долгим взглядом, каким смотрят не на сумасшедшего, а на прибор, показавший невозможное.

– Три. Вы уверены?

– Я смотрел на карту, пока вы читали листы. Три крестика. Четвёртого не было.

Она собрала бумаги обратно – медленно и слишком ровно. По тому, как точно легли углы листов, Пётр понял: спокойствие даётся ей усилием.

– Матрона. Утром пошли кого-нибудь на дальний двор за сестрой Варварой. Пусть придёт и принесёт зимние карты за последний месяц. – Она подумала. – Ворота сегодня больше никому не открывать. Кто бы ни назвался. Курьеру постелить в комнате для путников. Расписку получите утром. До утра вы никуда не поедете.

Пётр не спорил. Ехать назад этой ночью ему хотелось меньше всего на свете.

В дверь постучали, и вошла молодая послушница – та, что уводила лошадь: снег на платке, круглые глаза.

– Матушка... Там следы. Я понесла попону, посветила фонарём, а там...

Вышли все.

Ветер стихал, снег падал редко и отвесно. В свете двух фонарей у калитки ясно виднелись две цепочки лошадиных следов.

Одна подходила с юга, со стороны низины: рваная, глубокая, с ямами там, где Галка проваливалась по брюхо, а рядом отпечатки сапог – там Пётр вёл её за собой. Эту цепочку он знал: час назад он сам по ней пришёл.

Вторая цепочка подходила с севера, от реки, из чистого поля, где никакой дороги не было и быть не могло. Лошадь шла шагом, ровно, отпечаток к отпечатку. Был ли кто-то в седле, по следам не понять.

Пётр присел над северной цепочкой, снял рукавицу и обвёл пальцем край отпечатка; снег обжёг кожу. На левом заднем следе была косая насечка.

– Это Галка, – сказал он. – Обе цепочки – её.

Никто не ответил. Матрона быстро, привычно перекрестилась. Евпраксия стояла над следами и смотрела на север – туда, где снежное поле уходило в темноту.

– Лошадь в конюшне одна? – спросила она.

– Одна, матушка, – сказала послушница. – Я только что от неё.

– Хорошо.

По голосу Евпраксии Пётр понял, что ответ её не успокоил.

Он прошёл вдоль северных следов до края света от фонарей. Дальше цепочка уходила в темноту, ровная и спокойная, и снег ложился в отпечатки медленно, по одной снежинке. К утру заметёт обе дороги, и различить их будет нельзя. В рапорте он напишет про южную: выехал, прибыл, вручил. Южная хотя бы закончилась – здесь, у ворот.

Пётр вернулся к калитке, наступая только в свои сегодняшние следы, сам не зная, зачем так старается.

ЧАСТЬ I. ДОРОГА, КОТОРОЙ НЕТ

Белогорская долина · 17-18 декабря

Глава 1. Следы впереди

Вчерашняя колея должна была идти вдоль ольховых кустов – на листе Варвара сама провела её твёрдой карандашной линией. Сегодня кусты стояли по пояс в снегу, и снег под ними лежал ровный, нетронутый.

Засыпанная дорога не исчезает: под свежим снегом остаётся плотное, утоптанное дно. Варвара сняла рукавицу и воткнула шест у кустов: пусто, рыхло до самой земли. Шаг вправо – пусто. Ещё три шага к востоку – и шест упёрся в плотное дно. Вот она. За ночь колея отошла от кустов на пять шагов.

Варвара записала это в полевую книжку, пока пальцы слушались. Читать поле после снегопада было легко: свежий снег сохранял каждую вмятину, как воск – печать. Наносы легли поперёк дороги – ночью ветер дул с севера. Это она тоже записала – два слова, не больше – и посмотрела на валун.

От валуна до горелой сосны вчера было двести сорок шагов. Оба ориентира стояли на месте: серый камень в наплывах снега и чёрный ствол с обломанной верхушкой. Варвара прошла между ними, не выпуская сосну из виду и считая шаги, как семь лет подряд. Вышло двести четырнадцать. Направление по компасу не изменилось ни на градус – только расстояние стало короче на двадцать шесть шагов.

Куда деваются шаги, когда участок становится короче, Варвара не знала. Долина не отчитывалась. Дело картографа – записать, сколько осталось, и поставить число рядом с датой.

Она достала карандаш и подписала угол листа: «17 декабря, утро. Ясно, ветер северный. Валун – сосна: 214, было 240. Колея восточнее кустов на 5 шагов. В.» Без даты и времени обхода зимний лист не имел цены: карта говорила только, где дорога проходила вчера. Где она сегодня – узнавали ногами. Обозники, приходя в обитель, спрашивали не «карту», а «свежие листы сестры Варвары». Ей было чем гордиться, и она позволяла себе это примерно раз в год.

До рассвета на дальний двор пришла полусонная послушница и передала распоряжение матушки: взять декабрьские листы, по пути проверить западный участок после ночного снегопада, вернуться не задерживаясь. Последние слова были подчеркнуты одной ровной чертой. Западный участок Варвара собиралась смотреть и без записки; новостью было подчёркивание. Евпраксия не торопила без причины и причин в записках не объясняла. Значит, объяснит сама, при закрытой двери. Декабрьские листы лежали в папке все, от первого числа, переложённые вощёной бумагой, – семнадцать утренних обходов, день за днём.

Семнадцатое, подумала Варвара, пряча книжку за пазуху, чтобы не стыл карандаш. Ей было двадцать шесть. Семь лет назад, девятнадцатилетней, она пришла в эту обитель, и через три дня, двадцатого числа, срок её обета заканчивался.

В келье уже месяц стоял пустой дорожный сундук. Варвара не складывала в него вещи и не убирала обратно под лавку. Один раз, в начале декабря, подняла крышку – внутри пахло пылью и старой кожей, – постояла и закрыла. Сундук ждал. Сёстры перестали спрашивать, что она решила. Даже Агафья перестала, а уж Агафья умела спрашивать так, что проще было ответить. За это молчание Варвара была им благодарна.

Про двадцатое она решила подумать завтра. Или послезавтра.

Работа на сегодня была ясная: пройти участок до края, записать смещения, вернуться. Она пошла вдоль новой колеи на запад, простукивая дно шестом через каждые двадцать шагов. Стук, упор, дальше.

След она увидела на подходе к ложбине.

На гладком, нетронутом снегу, шагах в пятнадцати в стороне от колеи, темнел один след мужского сапога. Вокруг – ничего: ни второго шага, ни примятости, ни лыжного следа, ни

заячьей строчки. Поле лежало открытое, до ольхи было шагов сто чистого снега, и спрятаться здесь не сумел бы даже заяц.

Варвара подошла по дуге, чтобы не затоптать подступы, и присела.

Сапог был не монастырский и не деревенский. Узкий каблук, почти гладкая подошва с тонким кантом по краю – городская работа, для мостовой и сухого крыльца. По зимнему полю в таком не ходят: подошва скользит, каблук проваливается. Отпечаток ушёл глубоко, глубже, чем оставила бы её собственная нога. Человек тяжёлый. Или с грузом.

Правый сапог. Где положено быть левому – впереди, позади, сбоку, – снег лежал нетронутый.

Самым простым объяснением был старый след, оставшийся до снегопада. Но внутри отпечатка не было ни снежинки, а стенки стояли острые, неосыпавшиеся. Снег перестал идти перед самым рассветом – значит, след моложе рассвета. Ветер вскрыл старый отпечаток? Такое она видела: редкое, но честное явление. Варвара ткнула шестом рядом – рыхло до самой земли, наносы вокруг гладкие. Не ветер. Тогда человек свернул и ушёл, только уходить отсюда было некуда. Она медленно повернулась кругом: чистое поле во все стороны, позади её собственная ровная цепочка, впереди один чужой шаг. Один шаг не бывает без второго. Но второго здесь не было.

Оставалось ещё одно рабочее объяснение. Этой ночью расстояние у валуна сократилось на двадцать шесть шагов. Если расстояние между точками меняется, след мог оказаться не там, где его оставили. Проверить это было нечем. Записать – можно.

Варвара посмотрела на часы на шнурке: половина девятого. Записала время. Быстро, схемой, зарисовала отпечаток: каблук, кант, три поперечные трещинки, приметные, как шрам. Приложила линейку, сняла длину и ширину, подписала цифры. Пальцы стыли, карандаш пришлось держать всей горстью. Рядом со следом она воткнула ольховую ветку – метку для будущего листа.

Пока она писала, глаза были опущены на страницу. Когда она подняла голову, впереди, шагах в сорока, темнел второй отпечаток.

Сорок шагов ровного снега между первым и вторым. Она не слышала ни звука. Не видела никакого движения. Просто отпечатков стало два.

Испуг она отложила: он съедает внимание. Посмотрела на часы – без двадцати девять. Записала. Подошла ко второму следу той же дугой и присела.

Левый сапог. Тот же каблук, тот же кант, те же три трещинки. Он был парой первому, только между правым и левым шагом лежало сорок шагов нетронутого поля. Варвара промерила расстояние своим счётом и записала: сорок один. Как будто из-под человека вырезали кусок дороги, а шаги оставили.

Она проверила направление по компасу. Носок глядел на северо-восток, к невысокому холму на краю участка: человек шёл от неё, не к ней. Это она тоже записала ровными буквами. Ровные буквы помогали держать мысль.

Потом оглянулась на собственную цепочку. Её следы вели себя прилично.

Было тихо, как бывает после снегопада, пока снег не осядет, – ни скрипа, ни птицы. Только ольха изредка роняла с ветки белый ком; падал он мягко, почти без звука.

Дальше отпечатки пошли уже честно, шаг за шагом, обычной человеческой цепочкой. Шаг был длинный – человек высокий – и неровный: нога каждый раз тяжело садилась на пятку. Так ступает уставший или тот, кто несёт груз на одном плече. И шёл он быстрее, чем стоило бы идти по чужому зимнему полю.

Варвара двинулась вдоль цепочки, держась сбоку. Цепочка вела к холму.

У ложбины она остановилась.

Ложбину пересекали три параллельные цепочки следов – одного сапога с узким каблуком и трещинками, все сегодняшние, все направленные на северо-восток, шагах в десяти одна от другой. Так выглядело бы поле, пройди здесь утром гуськом три одинаковых человека.

Обратных следов не было. Ни одного.

Она спустилась в ложбину и осмотрела все три, не торопясь. Возраст был разный: крайнюю западную уже тронул утренний ветер – края чуть сгладились; средняя стояла жёстче; восточная, к которой она пришла, была совсем свежая, час или меньше. Три прохода, один за другим, с промежутками. Западная к тому же начиналась, как первый след у колеи, – из ничего, посреди ровного снега. Варвара нанесла все три на схему и у каждой подписала время и состояние краёв.

Следы складывались в ясную, но тревожную картину. Человек был один. Он всякий раз шёл вперёд – носки везде глядели в одну сторону – и трижды оказывался в этой ложбине. Между цепочками не было ни разворотов, ни петель, ни возвратной дуги. Его возвращало, и он, судя по следам, этого не замечал.

Каждый новый проход ложился шагов на десять восточнее прежнего, ближе к холму. Совпадение или закономерность – она пока не знала. Догадкам место в книжке, на последних страницах, карандашом помельче; туда она это и записала.

Она отнеслась к находке как к трещине в опоре: сначала нужно понять, насколько она опасна. Семь лет Варвара записывала, как дороги здесь меняют длину и направление, и привыкла к этому, насколько к такому привыкают. Но чтобы дорога возвращала идущего, пряча от него сам возврат, – такого на её листах ещё не было.

По уму следовало отметить место и идти в обитель. Сёстры с дорогами не воевали и понимать их до конца не притворялись – наблюдали и записывали, изо дня в день, много лет. Но лист с тремя цепочками и без ответа был бы плохим листом. Незаконченным.

К тому же в обители её ждали разговор с матушкой, тишина кельи и сундук. Идти по следу было проще.

Она пошла, перехватив шест ближе к середине: так удобнее и упираться, и держать его, когда не знаешь, что впереди.

Самая свежая цепочка обходила ложбину и поднималась к холму наискось. На склоне человек дважды съезжал: длинные борозды, отпечатки ладоней, один раз – колена. Городской каблук на снежном склоне. Варвара хмыкнула и на всякий случай проверяла склон шестом перед собой: под свежим снегом мог быть лёд.

С гребня донёсся короткий металлический щелчок – защёлка футляра. Потом мужской голос негромко и зло произнёс одно слово. Какое, она не разобрала, и это было к лучшему.

Она поднялась до кромки и остановилась, не выходя на открытое место.

На вершине холма стоял мужчина лет тридцати, в тёмном пальто хорошего сукна, промокшем до колен и обмёрзшем по подолу. Через плечо у него висел деревянный штатив. У ног, съехав в один ком, лежали кожаный футляр для карт и дорожная сумка. На ладони мужчины держал компас: медленно поворачивался, ловил стрелку, брал направление на дальнюю вершину и снова сверялся с прибором. На футляре, придавленная углом инструментального ящика, лежала раскрытая казённая карта с печатью государственного ведомства. Ветер дёргал край, и человек прихлопывал бумагу ладонью, не глядя. Засечки он делал по всем правилам, как учат в инженерных классах. Но расчёты всё равно не совпадали с местностью.

Вокруг вершины Варвара насчитала три кольца следов. Он поднимался сюда третий раз.

Прибор у него был дорогой: медь на ногах штатива блестела свежей полировкой, футляр с инструментом стоял у ноги сухой и целый – его он берёт лучше, чем себя. Зато ношу распределил бестолково: штатив и сумка на одном плече, оттого след и заваливался на пятку. Снаряжён хорошо, нагружен неправильно. Так собирается в дорогу тот, кто привык, что от станции до места его довозят.

Жалким он при этом не выглядел. Злым – да, но занятым делом: стянул перчатку, записал что-то в книжку, подышал на пальцы, снова взялся за компас. Между записью и компасом один раз посмотрел на солнце – проверял время без часов или не доверял своим. Упрямый. Это Варвара готова была уважать даже в человеке, из-за чьих следов половину утренних измерений теперь придётся делать заново. Лишний час на морозе.

Он поднял голову и увидел её.

Первым делом он сложил карту. Не спеша, по сгибам, спиной к ветру – так складывают бумагу люди, которым случалось терять её в поле.

Несколько секунд он не двигался. Смотрел на неё – на чёрную монастырскую одежду, на шест в руке, – и пар от его дыхания сносило ветром вбок. Потом взгляд ушёл ей за спину, к ровной цепочке её следов через всё поле. Следы убедили его больше, чем сама Варвара.

Он сделал полшага в её сторону и остановился: посмотрел на снег между ними, на свои сапоги, на её шест. За это утро он уже кое-чему научился.

– Доброе утро, – сказал он. Голос был осевший от холода, но ровный. – Скажите, это дорога к Белогорской обители?

– Теперь да, – сказала Варвара.

Он посмотрел на компас в своей ладони. Потом на неё.

– А раньше?

– Тоже она. Просто до этого дважды возвращала вас сюда.

– . –

Глава 2. Седьмая берёза

Он не стал переспрашивать: слова были ясны. Неясным было всё остальное.

Алексей посмотрел под ноги, на истоптанный снег вершины. Кольца следов он заметил ещё час назад – и тогда впервые за утро усомнился не в карте, а в себе.

– Я насчитал три круга, – сказал он.

– Третий вы сейчас дотаптываете, – ответила монахиня. – Возвращений было два.

Он прикинул. Счёт сходился. Это было единственное, что здесь сходилось: компас спорил с ориентирами, а знакомая вершина за утро трижды вставала с разных сторон – последний раз слева, хотя он уходил от неё строго на восток. Собственные следы дважды вышли ему навстречу. Всё это лежало у него в книжке с пометкой «проверить», хотя как проверять, он пока не знал.

Ноги в сапогах давно промокли, пальто обмёрзло по подолу и стучало о колени. Инструмент был цел и сух – единственный итог утра, который он мог занести себе в заслугу.

Со станции он вышел затемно. Возчик довёз его до старого моста и дальше не поехал: сказал, что после снегопада в долину не ездят, пока монастырские не проверят дорогу, и никакая доплата на него не подействовала. Тогда это выглядело суеверием. Теперь Алексей оказался должен возчику извинение.

Слово «возвращала» Алексей пока считал рабочим обозначением. Отвергать его было рано, принимать без проверки – тоже.

В поле он держался трёх правил: не спорить с прибором, не спорить с местностью, записывать всё, что не сходится. Сегодня два последних работали без передышки.

– Как вы определили число? – спросил он. – Возвращений.

– По следам. Через ложбину идут три ваши цепочки, возраст разный, обратных нет. – Она качнула кожаной папкой. – Могу показать на листе.

– У вас есть карта этого утра?

– Лист этого утра. Карта – громко сказано.

За последние три часа Алексею нужна была хотя бы одна надёжная точка. Здесь предлагали целый лист.

– Покажите. – Он спохватился и добавил, как положено: – Алексей Михайлович Ланской, инженер-картограф окружного Инженерного управления. Прибыл из Кречетова, по предписанию.

– Сестра Варвара, – сказала она.

Фамилии не последовало. Он не стал спрашивать: во внутреннем кармане лежало запечатанное предписание для настоятельницы, с остальным можно было разобраться позже.

– Что управлению нужно в долине? – спросила она. Без нажима, как спрашивают о погоде.

– Расхождения. В Кречетов третий месяц идут донесения, что расстояния здесь не сходятся с казённой съёмкой. Мне велено проверить измерения, уточнить путь к обители, сравнить наши листы с местными наблюдениями. И представить бумаги настоятельнице.

– Расхождения, – повторила Варвара. – Аккуратное слово. Возчик вас куда довёз, до моста?

– До моста.

– Правильно сделал.

Раздражала его не Варвара, а карта, которая перестала совпадать с местностью. Объяснять это вслух Алексей не стал.

Они спустились на затишную сторону холма. Алексей положил футляр плашмя, развернул на нём казённую карту и придавил углы. Варвара развязала папку и достала один лист – держала в руках, не положила на снег и не передала ему.

– В руки не дам, – сказала она прежде, чем он успел спросить. – Он один. Смотрите так.

Его карта была хороша, он сам вычерчивал такие и знал цену ровной сетке. Дорога к обители шла уверенной двойной линией, вёрсты подписаны, от холма до южных ворот – прямой ход, два часа спокойного шага. В углу стояла пометка: исправлено по съёмке трёхлетней давности. Там, где они сейчас стояли, на казённом листе лежала ровная пустота с одной надписью поперёк: «луга». По этим «лугам» он шёл с рассвета.

Её лист был другой породы. Бумага простая, линии от руки, но рука твёрдая. Наверху – сегодняшняя дата и время обхода, рядом погода в три слова. Вчерашняя колея показана пунктиром, сегодняшняя – сплошной, между ними подписано смещение. У пары ориентиров стояло: «Валун – сосна: 214, было 240». Через ложбину шли три параллельные линии с пометками времени. Ветер был показан стрелкой, глубокий снег – редкой штриховкой, а в двух местах стояли крестики с подписью «ветка» – он не понял, что это, и отложил вопрос. Возле одной из трёх линий – знак вопроса.

– Вопрос – это что?

– Догадка. Куда вас сдвигало с каждым проходом. Догадки я помечаю, чтобы не путать с измеренным.

– Вы сказали: возвращала, – заметил он. – Это тоже догадка?

– Это то, что читается по снегу. Назовите иначе, если найдёте слово.

– Пока не нашёл.

Он поднял глаза от листа. Помечать догадки его учили на третьем курсе; половина управления так и не выучилась.

– Кто ведёт эти листы?

– Я. Семь лет.

– Одна?

– Зимние – одна. Летом справляются без меня.

До этой минуты он полагал, что при обители состоит землемер, а сестёр посылают проверять дорогу после снегопадов. Выходило иначе. Он кивнул, принимая это как показание исправного прибора.

– Разрешите проверить одно направление.

– Проверяйте.

Горелая сосна была подписана и на его карте – редкое совпадение. По казённому листу ей полагалось стоять от холма на юго-запад. Компас показал юг с малым уклоном к западу – как у Варвары. Расстояние до края ложбины он спросил, услышал «сто двадцать» и намерил шагами сто двадцать два.

Дальше спорить с листом было не о чем. Спорить хотелось с местностью.

– Ваша съёмка не совпадает с моей, – сказал он. – Либо устарели исходные данные, либо изменилась местность, либо мой способ здесь недостаточен. Какую причину считаете наиболее вероятной?

– Пока никакую. У меня есть только сегодняшние измерения. К вечеру даже они могут устареть.

Ответ он записал: такая формулировка годилась и для его доклада.

– Мне нужен ориентир, который простоит хотя бы час, – сказал он. – Дальше я справлюсь.

– Тогда седьмая берёза. – Она повернула лист к нему. – Вот она. Третий год никуда не девается.

На казённой карте никаких берёз не было – отдельные деревья на такие листы не наносят. У Варвары берёза стояла жирной точкой с подписью «7-я», и от точки уходила к югу простроченная пунктиром линия.

– Седьмая от чего?

– От горелой сосны, по западному подходу. Старые берёзы вдоль него давно пересчитаны. Седьмая – узловая: от неё проверенный утренний ход к южным воротам.

– А первые шесть?

– Стоят, где положено. Но ходов от них нет.

Он согласился идти не из-за её уверенности. Ему нужна была точка, от которой можно строить, – хоть берёза, хоть колодец, лишь бы стояла на месте.

– Далеко до неё?

– Полчаса вашим шагом. Моим – двадцать.

Он решил не уточнять, чем различаются шаги.

Снег между холмом и березняком лежал глубокий. Варвара шла первой, проверяя наст шестом; у края ложбины она остановилась, сломала ольховую ветку и воткнула её в снег рядом с чем-то, чего он не разглядел.

– Крестики на листе, – понял он вслух. – «Ветка».

– Метки, – подтвердила она. – Чтобы завтра найти сегодняшнее.

Алексей приноровился ступать в её след, и идти стало вдвое легче. До такого простого способа он не додумался за три часа блужданий.

– Сколько живёт такой лист? – спросил он ей в спину.

– По-разному. Иногда день. Иногда до полудня.

– А потом?

– Потом я рисую следующий.

– И так семь лет?

– Зимой – да. Летом дороги спокойнее.

Он перешагнул присыпанную валежину и догнал её вопросом:

– Вы наносите то, что видели утром. Хорошо. Но карта должна предсказывать, иначе это дневник, а не карта.

– За перевалом ваша предсказывает, – согласилась она. – До станции я бы по ней дошла и вам советую. Здесь предсказывать берутся в основном приезжие.

– Я приезжий.

– Я заметила. По сапогам.

Он посмотрел на свои сапоги. Возразить было нечего.

– Утром между холмом и ложбиной у меня пропали почти две версты, – сказал он. – По времени хода. Куда они деваются?

– Не знаю, – сказала Варвара. – Спрашивайте у долины. Мне она пока не ответила.

– Что-нибудь здесь вообще повторяется? – спросил он чуть погодя.

– Каждое утро я делаю обход и составляю новый лист, – сказала Варвара. – Остальное меняется.

Берёзы вдоль западного подхода стояли старые, толстые, с чёрными развилками. Варвара не считала их: седьмую узнала издали, и он тоже узнал бы по описанию. Ствол расходился надвое на высоте человеческого роста; по коре тянулось тёмное старое повреждение, след давней молнии; в развилке чернело сорочье гнездо, набитое снегом. Дерево выглядело как хороший ориентир: спутать его было невозможно.

Штатив Алексей ставить не стал – положил компас на крышку футляра, дал стрелке успокоиться, снял отсчёт, сбил стрелку пальцем и снял ещё раз. Отсчёты совпали: прибор был ни при чём.

Направление на холм: северо-запад, как на её листе. По казённой карте холм отсюда вообще не полагалось видеть – его закрывала гряда. Холм был виден весь, и до него выходило ближе, чем обещала карта, версты на полторы. Горелая сосна стояла к югу, где ей велел лист Варвары, и вдвое дальше, чем значилось у управления.

Он записал всё по порядку и добавил последней строкой: «Местная съёмка от 17 дек., утро, подтверждается по трём пунктам». Строка ему не нравилась, но он её оставил. Доклад в управление предстояло писать отдельно, и он заранее себе не завидовал.

– Отсюда так. – Варвара присела и начертила концом шеста на снегу три отметки. – Берёза, где мы стоим. Дальше низкий каменный крест, по пояс, со сколотым краем. За ним замёрзший ручей, перейдём по плитам. От ручья прямо на южные ворота; стену увидите, когда обойдём гряду.

– Я хочу вести измерения по дороге.

– Ведите. Одно условие: идём туда, куда идём. Нельзя шагать к воротам и при этом держать напрямик на стену. Выберите что-то одно.

– Это правило?

– Это сегодняшний маршрут. Правил я не пишу, я пишу листы.

Он взвесил. Не смешивать две задачи – так работают в любом поле, это он мог принять без всякой мистики. В управлении саму постановку называли бы ненаучной, но управление было в трёх днях пути отсюда.

– Хорошо. Цель – южные ворота, вашим ходом. Измерения – внутри хода.

– Годится, – сказала она. Потом посмотрела на его перекошенное плечо: – Штатив на левое, сумку на правое. До ворот дойдёте ровнее.

Он молча перевесил. Стало ровнее. Комментировать это он тоже не стал.

Крест появился через четверть часа – низкий, серый, со сколотым краем, точно по описанию. На кресте лежала снежная шапка; Варвара мимоходом сбила её шестом.

– Его должно быть видно издали, – сказала она, не оборачиваясь. – Это тоже работа.

Крест Алексей занёс в книжку как опорный пункт – первый за день, которому готов был верить.

Он отметил время и оглянулся: седьмая берёза стояла позади и честно уменьшалась. Следы за ними тянулись одной ниткой и ничего не пересекали.

У ручья он всё же сделал две засечки, не выходя из её маршрута. Числа легли в книжку ровно и никого не опровергли. Он поймал себя на мысли, что был бы разочарован, выйди иначе, – и записывать её не стал. Книжка и так толстела быстрее обычного.

Ручей Варвара перешла первой, показав, куда ставить ногу; лёд под плитами даже не скрипнул. За ручьём из-за гряды поднялись белёная стена и колокольня, над колокольней кружили галки, из-за стены тянуло печным дымом. С каждым десятком шагов стена становилась ближе. Алексей дважды сверился с компасом, а потом убрал его в карман. Идти, не проверяя направление каждые сто шагов, было непривычно, но заметно легче.

– Долго ваш утренний ход живёт? – спросил он.

– До вечера доживал всегда, – сказала Варвара. – Но к воротам я вас доведу засветло, не проверяйте.

Вышло даже быстрее. Солнце ещё стояло над грядой, когда впереди открылся утоптаный подход к обители.

Двор перед южными воротами был расчищен; у стены две послушницы сгребали снег деревянными лопатами и смотрели на них дольше, чем требовало дело. Алексей остановился на минуту, обколотил лёд с подола, отряхнул рукава и поправил ремень штатива. Представляться настоятельнице человеком, которого утро валяло по сугробам, не хотелось, хотя именно так дело и обстояло. Он тронул грудь – пакет с предписанием был на месте.

Варвара стряхнула снег с папки и пошла к калитке первой. Он отметил, что к воротам она идёт медленнее, чем шла по полю, и не стал искать этому объяснения – своих загадок на сегодня хватало.

Ворота были тяжёлые, тёмного дерева, с калиткой в правой створке. Калитка открылась раньше, чем Варвара подняла руку постучать. В проёме стояла пожилая сестра с большой связкой ключей на поясе. Она оглядела Варвару, потом Алексея – штатив, казённый футляр, обмёрзшее пальто – так, как оглядывают опись, которую предстоит принять. Потом отступила на шаг, освобождая проход.

– Матушка Евпраксия ждёт вас, – сказала она. – Обоих.

– . –

Глава 3. Четвёртая точка

Матрона вела их через двор быстрым хозяйским шагом, не оглядываясь. Двор был выметен дочиста; под навесом у конюшни, рядом со знакомыми монастырскими лошадьми, стояла чужая гнедая кобыла и жевала сено с видом лошади, которой сегодня уже ничего не страшно.

– Вас ещё от ручья увидели, – сказала она на ходу. – С колокольни. Сообщили матушке.

Вот и всё «обоих», подумала Варвара. Никакой загадки: послушница на звоннице, казённый штатив, который видно за версту, – и полчаса форы для матушки.

Загадка ждала внутри.

Задержку Варвара приготовилась объяснять тремя цепочками следов. Объяснение не понадобилось.

В комнате у ворот было жарко натоплено и непривычно тесно от бумаг. Евпраксия выглядела как всегда, только очки сидели не на лбу, а на носу – так бывало по утрам после бессонной ночи. Стол, за которым обычно писали расписки обозникам, был занят весь: раскрытая книга прибывших, стопка листов в вощёной обёртке, плоский металлический ящик; рядом лежали снятая проволока и две свинцовые пломбы. У печи сидел незнакомый мужчина лет тридцати пяти в военной форме, с обветренным лицом и красными от бессонницы глазами. Курьерская сумка висела на гвозде у двери; казённые сапоги были разношены, по рантам засох снег. При их появлении он поднялся; Евпраксия коротким жестом вернула его на лавку.

– Сестра Варвара. Господин...

– Ланской, – сказал Алексей. – Алексей Михайлович. Инженер-картограф окружного управления.

– Садитесь оба. – Евпраксия подвинула книгу прибывших, освобождая край стола. – Порядок будет такой: сначала ваши бумаги, господин Ланской. Потом наши.

Варвара положила папку на колени и села. Она шла сюда объяснить задержку и сдать декабрьские листы. Судя по столу, задержку здесь никто не заметил, а листы понадобились для чего-то совсем другого.

Алексей достал из внутреннего кармана пакет и без колебаний передал его через стол, хотя берёг эту бумагу всю дорогу от Кречетова. Евпраксия осмотрела печать, показала её Матроне у двери – целая, – вскрыла и стала читать. Матроне она кивнула: та поклонилась и вышла распорядиться насчёт трапезы. Читала Евпраксия быстро, вслух – только выжимку:

– Инженерное управление... направляется в северную долину... проверить донесения о расхождениях в расстояниях... сравнить казённую съёмку с местными наблюдениями... уточнить дорогу к Белогорской обители... настоятельнице – оказать содействие... по исполнении – служебный отчёт. – Она перевернула лист. – Подпись: полковник Карсавин.

Фамилия Варваре не говорила ничего. Она посмотрела на Алексея.

– Начальник экспедиционного отдела, – сказал тот. – Моё начальство, через одну ступень. Предписание он подписывал при мне.

– Второго отправления вам не поручали? – спросила Евпраксия. – Пакета, груза, сопровождения?

– Нет. Только это.

– Слово «Меридиан» вам знакомо?

– Впервые слышу.

Отвечал он без пауз на обдумывание. Либо правда, либо очень хорошая выучка. Варвара поставила на правду – пока, карандашом.

Евпраксия положила предписание на стол, рядом с металлическим ящиком, и разгладила сгиб ладонью.

– Тогда смотрите, что нам прислали без вас. Но прежде – господин Громов. Коротко, только суть. Им нужно знать то же, что знаю я.

Человек у печи заговорил ровно, по пунктам. Видно было, что за ночь он повторял всё не раз и удовольствия в этом не находил.

– Пётр Громов, военный курьер. Шестнадцатого в полдень получил в Кречетове футляр. От служащего инженерного ведомства, без фамилии, бумаги настоящие. Приказ: доставить лично настоятельнице. Доставил ночью. – Он помолчал. – И я помню, что возил этот же футляр раньше. Три дня назад. Помню кусками: ворота, матушку, свою подпись в книге. Помню, что на карте внутри было три крестика. Сейчас – четыре.

– Служащий, который передал ящик, – сказал Алексей, дождавшись, пока курьер закончит. – Возраст, приметы?

– Лет сорока. Статский, воротник поднят, перчаток не снимал. Говорил мало.

– Кто знал время вашего выезда и место назначения?

– В штабе. И человек, который передал футляр.

Алексей записал и то и другое.

– Это ваши листы обозники спрашивают? – спросил вдруг Пётр, посмотрев на папку Варвары.

– Мои.

Он кивнул и, похоже, немного успокоился: хоть что-то в этой долине мерили и записывали каждый день.

– В книге его подписи нет, – сказала Евпраксия. – Есть вот это.

Она развернула книгу прибывших к Варваре. Между двумя записями лежала пустая полоса. Варвара наклонилась, тронула бумагу пальцем, подняла страницу к свету. Ворс поднят, лист в этом месте тоньше. У самого поля – вдавленный хвостик недоскобленной буквы.

– Скоблили, – сказала она. – Не спеша, хорошим ножом. Такое само не появляется.

– Пломбы на футляре были целы, – добавила Евпраксия. – При вскрытии присутствовали Матрона и господин Громов.

– Ночью к воротам подошли две цепочки следов его лошади, – продолжила Евпраксия. – Одна с юга. Вторая – с севера, от реки, из целины. Обе свежие. Лошадь в конюшне была одна. Следы видели я, Матрона и Акси́нья. К утру их замело.

Гнедая под навесом, поняла Варвара. Та самая лошадь.

– Когда я уезжал в тот, первый раз, – сказал Пётр, глядя в пол, – звонили к утренней службе. Звон шёл с севера. От реки. Я ещё удивился: колокольня-то оставалась у меня за спиной.

Варвара раскладывала услышанное по степени надёжности. Стёртая запись была перед ней; две цепочки видели четверо, включая матушку; целостность пломб при вскрытии подтвердили свидетели. Первый приезд, три крестика и звон с севера оставались памятью одного усталого человека. Не выбрасывать, но и не смешивать. Проверить можно было даты, места и северный изгиб – этим она и займётся.

– Даты, – сказала она. – Первый приезд – какой ночью?

– В ночь на четырнадцатое, – ответил Пётр. – Уехал утром четырнадцатого.

Варвара кивнула и открыла папку.

– Теперь бумаги, – сказала Евпраксия, взяла со стола свёрток и сняла вощёную обёртку.

Верхний лист она развернула к Алексею. Варвара видела его вполоборота: плотная калька, тушь, жирный штамп в одно слово – «МЕРИДИАН» – и пометка «лист седьмой». Ниже – тяжёлая рама, столб с винтовой нарезкой, груз на рычаге, растяжки к углам рамы.

Алексей склонился над чертежом, не касаясь его. Поднял лист за края к свету, посмотрел бумагу насквозь, положил обратно. Смотрел долго. Потом заговорил – медленно, отделяя одно от другого:

– Бумага ведомственная, с водяным знаком, такую на сторону не продают. Исполнение наше: рамка, шрифт подписей, манера штриховки – так чертят в управлении, я сам так черчу. Штамп нестандартный, у нас таких нет, но резал его профессионал. – Палец завис над узлами, не касаясь бумаги. – Элементы все известные: рама, винтовой столб, противовес, растяжки. По отдельности я соберу вам такое из мостовых деталей. А вот зачем они соединены так – не скажу. Это лист седьмой. Где первые шесть, там и ответ. По одному листу принцип не восстановить, и я не буду делать вид, что могу.

Варвара запомнила его «не буду делать вид». За утро он уже второй раз предпочитал незнание красивой догадке.

Пётр смотрел на чертёж со своего места и ближе не подходил – насмотрелся, надо полагать, за ночь.

– А расчётные листы? – спросила Евпраксия, тронув стопку.

– Две руки, – сказал Алексей, перебрав верхние. – Тушь – ведомственная выучка. Карандаш – торопливый, полевой, много исправлений. Карандашную руку я не знаю.

– «Настройка по большому колоколу» – это как понимать? – спросила Варвара.

– По-инженерному – никак. Колокол в геодезии не инструмент. Пока это просто слова на поле чертежа, и я оставлю их словами.

– Дальше, – сказала Евпраксия и выложила карту.

Долина легла на стол вся: изгиб реки, кольцо монастырской стены посередине, знакомые Варваре гряды и низины, нарисованные чужой уверенной рукой. Смотреть на это было неприятно – как найти чужие следы в собственной келье. Вокруг обители стояли четыре крестика с номерами, и от каждого тонкая линия сходилась к колокольне. Возле линий – мелко: «настройка по большому колоколу».

– Сестра Варвара, – сказала Евпраксия. – Ваши листы.

Варвара развязала папку. Все семнадцать были не нужны; она отобрала четыре – западный участок, северный у реки, лист за утро четырнадцатого и сегодняшний – и разложила их рядом с чужой картой, не накладывая друг на друга.

Первый крестик стоял у западной ложбины. Второй – у восточной седловины. Третий – у южной гряды, где старый тракт выходил из леса.

– Места выбраны со знанием, – сказала она. – Ложбина у меня в листах каждую зиму: расстояния там постоянно меняются. Сегодня утром путь снова изменился – три цепочки следов господина Ланского тому подтверждение. Седловина два года назад за неделю дважды меняла длину, обозы стояли по трое суток. Гряда – то же, старые пометки есть. Кто рисовал эту карту, тот знает долину. Не по казённой съёмке знает.

– Значит, за долиной смотрели давно, – сказала Евпраксия ровно. – И не с колокольни.

– На казённой съёмке этих мест нет, – подтвердил Алексей. – Там луга.

– А четвёртый крестик? – спросила Евпраксия.

Четвёртый стоял у северного изгиба реки.

Варвара помедлила. Потом вытянула один из четырёх листов – за утро четырнадцатого декабря – и развернула его северным краем вперёд. Чтобы совместить свой лист с чужой картой, она положила линейку по трём приметам берега: скала, старая ива, край брода. Приметы легли в линию. Масштабы были разные, места – одни.

– Вот, – сказала она. – Смотрите на поле, у изгиба.

На полях листа, за рамкой маршрута, стояла её собственная пометка трёхдневной давности: короткий, шагов в тридцать, отрезок колеи или плотного следа, возникший посреди чистого снега и там же оборвавшийся. Стрелка направления – на юг, к обители. И приписка её рукой: «15-го не подтв. В маршрут не вносить».

– Я нашла это утром четырнадцатого, возвращаясь с северного обхода, – сказала Варвара. – Свет был уже плохой, но отрезок я промерила. Он начинался из ничего и никуда не вёл.

Назавтра его не стало, и я оставила его на полях. В долине такое бывает, я записываю и живу дальше. – Она положила палец рядом с крестиком на чужой карте, не касаясь бумаги. – Место одно. Изгиб, северный берег. Их четвёртая отметка стоит там, где у меня пометка.

Евпраксия долго смотрела на два листа рядом. Потом закрыла книгу прибывших; переплёт глухо ударил о стол.

Никто не перебил. Пётр у печи подался вперёд и смотрел на лист так, как смотрят на замочную скважину.

– С севера пришла вторая цепочка, – сказал он тихо. – И звон я слышал с севера.

– Это три разных наблюдения, – сказала Варвара. – Моя пометка – четырнадцатого утром. Ваш звон – из вашей памяти о том же утре. Следы – этой ночью. Совпадает направление и место. Больше пока ничего не совпадает, и я бы не спешила это склеивать.

– Согласен, – сказал Алексей. – Совпадение места – факт. Связь – предположение.

– Записывайте и то и другое, – сказала Евпраксия. – В разных столбцах.

Она откинулась, посмотрела на стол – на предписание слева, на футляр справа – и сложила руки.

– Теперь то, что не сходится у меня. Ваше предписание, господин Ланской, оформлено официально: подпись, печать, ваша фамилия в командировке. Этот ящик пришёл ночью, с человеком без фамилии, лично мне – не управлению, не вам. Бумага одна и та же, ведомство, судя по вашим словам, одно и то же. А дороги у этих бумаг разные.

– В моём предписании «Меридиана» нет, – сказал Алексей. – Ни словом. Я перечитал его сегодня трижды. – Он помолчал. – Возможно, моя проверка – часть работы, о которой мне не сказали. Возможно, нет. Утверждать не буду: у меня только седьмой лист, без предыдущих шести, и ни одного факта, связывающего мою командировку с этим проектом. По своей линии я запрошу управление. Письменно.

– Кому выгодно слать это сюда, минуя вас? – спросила Варвара, кивнув на ящик.

– Вопрос записан, – сказала Евпраксия. – Ответа нет. Будем копить и вопросы. – Она повернулась к Алексею: – А вы запросите. Отправите с завтрашним обозом: телеграф – в Кречетове, у нас только дорога. И не удивляйтесь ответу. Или его отсутствию.

Она поднялась – разговор дошёл до решений.

– Господин Громов остаётся в обители. Отдыхать и быть свидетелем; расписку получит, когда я разрешу ему ехать. Лошадь вашу накормили, вас сейчас накормят тоже.

Пётр в первый раз за весь разговор слабо усмехнулся и наклонил голову.

– Дальше. Ящик, чертёж и расчётные листы остаются здесь, у меня. – Она посмотрела на Алексея. – Чертёж из обители не выйдет, не просите. Лист от четырнадцатого и остальные декабрьские оставьте у меня. Сегодняшний лист возьмёте на проверку. Карту с четырьмя отметками дам под расписку сестре Варваре, до вечера. Положение четвёртого знака перенесите к себе в книжку сейчас, при мне.

Алексей молча достал книжку и карандаш. Он перечертил не только крестик – снял и линию до колокольни с угловой отметкой, быстро и чисто. Евпраксия достала книгу выдачи, где обычно расписывались обозники, получавшие свежие листы. Варвара расписалась за карту; вышло странно, как занять у самой себя.

– Сестра Варвара. – Евпраксия повернулась к ней, и голос её не изменился ни на волос. – Ваш сегодняшний лист и эта карта. Господин Ланской – со своим инструментом. Дойдёте до северного изгиба и посмотрите место этой пометки. Измерьте, что измеряется. Найдёте на снегу то, чего там быть не должно, – зарисуйте и отойдите. Ничего не трогать, никого не искать, к темноте вернуться. Светлого времени у изгиба будет часа два, рассчитывайте.

– Инструмент возьму полный, – сказал Алексей.

– Берите. Только помните, зачем идёте: смотреть место, а не строить теорию.

Алексей закрыл книжку. Варвара свернула карту в трубку, чтобы не делать новых сгибов.

Про сундук в келье она вспомнила только сейчас – мысль пришла и ушла. Сначала – изгиб реки.

Евпраксия обвела их взглядом – обоих разом, как двоих, которым предстояла одна работа.

– После трапезы проверите место у реки. Вместе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.